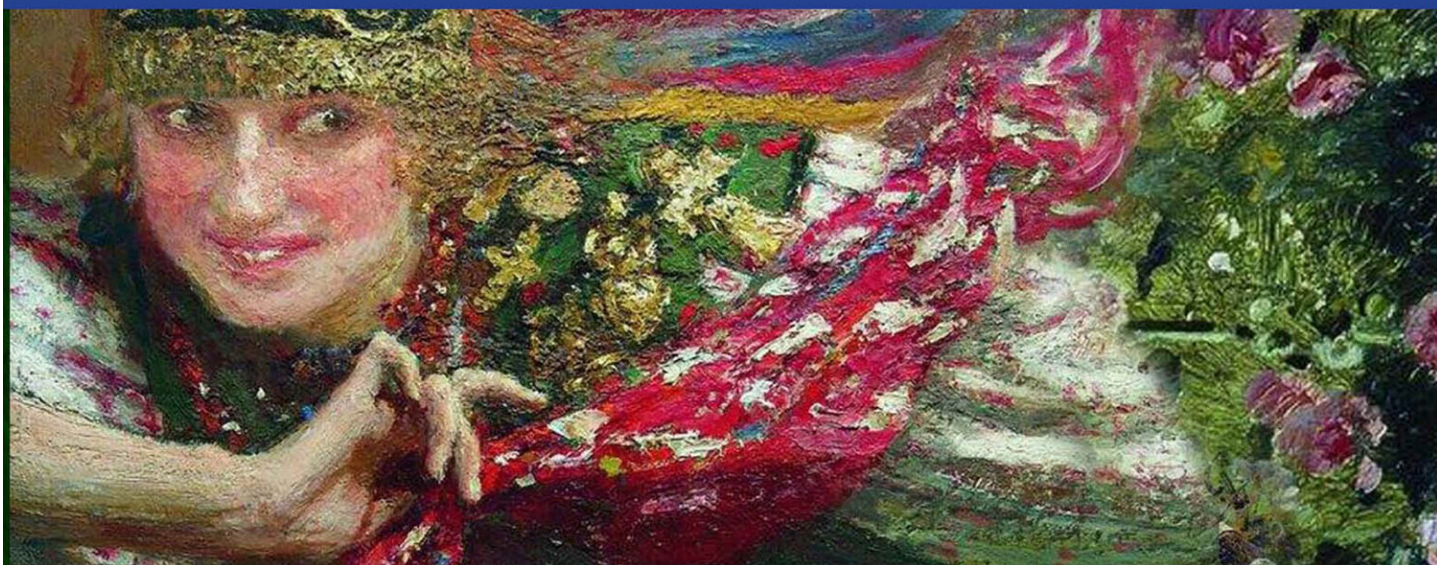

Павел Бажов

Сочневые камешки

ФТМ

Малахитовая шкатулка. Уральские сказы

Павел Бажов

Сочневые камешки

«ФТМ»

Бажов П. П.

Сочневы камешки / П. П. Бажов — «ФТМ», — (Малахитовая шкатулка. Уральские сказы)

Русский сказочник Павел Петрович Бажов (1879–1950) родился и вырос на Урале. Из года в год летом колесил он по родным местам, и в Уральском краю едва ли найдется уголок, где бы ни побывал этот добытчик устного речевого золота и искатель самородных сказаний. Везде-то он с интересными людьми знал, про жизнь слушал и во все вникал. День и ночь работал сказочник. И на белых листах распускались неувядаемые каменные цветы, оживали добрые и злые чудовища, голубые змейки, юркие ящерки и веселые козлики. Исследователи творчества П.П.Бажова называют «Малахитовую шкатулку» главной книгой писателя. Сам же писатель говорил: «Хотелось бы, чтобы эта запись по памяти хоть в слабой степени отразила ту непосредственность и удивительную силу, которыми были полны сказы, слышанные у караулки на Думной горе». Всего П.П. Бажов создал 56 сказов, вот один из них, вошедших в сборник «Малахитовая шкатулка».

© Бажов П. П.

© ФТМ

Павел Петрович Бажов

Сочневы камешки

После Степановой смерти – это который малахитовы-то столбы добыл – много народу на Красногорку потянулось. Охота было тех камешков доступить, которые в мертвой Степановой руке видели. Дело-то в осенях было, уж перед снегом. Много ли тут настрадаешься. А как зима прошла, опять в то место набежали. Поскыркались-поскыркались, набили железной руды, видят – пустое дело, – отстали. Только Ванька Сочень остался. Люди-то косить собираются, а он, знай свое, на руднике колотится. И старатель-то был невсамделешный, а так, сбоку припека. Смолоду-то около господ терся, да за провинку выгнали его. Ну, а зараза эта – барские-то блюдья лизать – у него осталась. Все хотел чем ни на есть себя оказать. Выслужиться, значит. Ну, а чем он себя окажет? Грамота малая. С такой в приказные не возьмут. На огненную работу не гош, в горе и недели не выдержит. Он на прииска и подался. Думал – там мед пьют. Хлебнул, да солоно. Тогда он и приспособил себе ремесло по рылу – стал у конторы нюхалкой-наушником промеж старателей. Старательского ковшика не бросил. Тоже около песков кышкался, а сам только то и смышлял, где бы что выведать да конторским довести. Конторские видят себе пользу – сноровлять Сочню стали. Хорошие места отводят, деньжонками подавывают, одежкой, обувкой. Старатели опять свой расчет с Сочнем ведут: когда по загорбку, когда по уху, когда и по всем местам. Глядя по делу. Только Сочень к битью привыкши был по лакейскому-то сословию. Отлежится да за старое. Так вот и жил – вертелся промеж тех да этих. И женешка ему под стать была, не то что гулящая али вовсе плеха, а так... чужой ужной звали: на даровщину любила пожить. Ребят, конечно, у них вовсе не было. Где уж таким-то.

Вот как пошли по заводу разговоры про Степановы камешки да кинулся народ на Красногорку, этот Сочень туда же.

«Поищу-ко, – думает. – Чем я хуже Степана? Небось такой дурости не допущу, чтоб богатство в руке раздавить».

Старатели знают, где что искать. Поскреблись на Красногорке, видят – порода не та, – отстали. А этот Сочень умнее всех себя кажет, – один остался.

– Не я, – говорит, – буду, коли богатство не возьму! – Вот какой умник выискался!

Хлещется этак раз в забое. Вовсе зря руду разворачивает. Вдруг глыба отвалилась. Пудов, поди, на двадцать, а то и больше. Чуть ноги Сочню не отдавило. Отскочил он, глядит, а в выбоине-то как раз против него два зеленых камня. Обрадовался Сочень, думает – на гнездо напал. Протянул руку выковырнуть камешок, а оттуда как пышкнет – с Ванькой от страху неладно стало. Глядит – из забоя кошка выскочила. Чисто вся бурая, без единой отметины, только глаза зеленые да зубы белеют. Шерсть дыбом, спина горбом, хвост свечкой – вот-вот кинется. Ванька давай-ко от этой кошки бежать. Версты, поди, две без оглядки чесал, задохся, чуть не умер. Потом уж потише пошел. Пришел домой, кричит своей бабе:

– Топи скорей баню! Неладно со мной приключилось.

После бани-то возьми, дурова голова, и Расскажи все бабе. Та, конечно, сейчас же приговаривала:

– Сходить бы тебе, Ванюшка, к бабушке Колесишке. Покланяться ей. Она те живо на путь наставит.

Была такая, рассказывают, старушонка. Родильниц в банях парила; случалось, и девий грех хоронила. Ноги, слышь-ко, у ней шибко кривые были. Как на колесе тулово посажено. За это Колесишкой и прозвали.

Ванька сперва упирался:

– Никуда не пойду, а на рудник и золотом не заманишь. На эки-то страсти! Да ни в жизнь! – За струментишком своим хотел даже человека нарядить. Боялся, вишь. Потом – денька через два, через три – отошел, а бабенка ему свое толмит:

– Сходи ты, сходи к Колесишке! Она ведунья. Научит, как те камешки взять. – Тоже, видно, обжаднала Сочнева-то баба на богатство.

Пошел Ванька к Колесишке. Стал ей рассказывать, а что старуха понимает в земельном богатстве. Сидит да бормочет:

– Дыр-гыр-быр. Змея кошки боится, кошка собаки боится, собака волка боится, волк медведя боится. Дыр-быр-гыр! Чур меня! рассыпся! – Ну, и протчу ведунью дурость, а Ванька думает: «Ишь какая мудреная бабка».

Рассказал Ванька, старуха и спрашивает:

– Есть у тебя, сынок, яга собачья?

– Есть, – отвечает, – немудренькая, вся в дырках!

– Это, – говорит, – все едино, лишь бы песьим духом смердило.

– Смердит, – говорит, – шибко смердит. Из некормных собак собрана.

– Вот и ладно. Ты эту ягу надень и с себя не снимай, пока камешки домой не принесешь.

А ежели еще опáсишься, так я тебе дам волчий хвост на шею повесить либо медвежьего салыца в рубаху зашить. Только та штука денежку стоит, и не малую.

Порядился Сочень с ведуньей, сходил домой, принес деньги.

– Давай, баушка, хвост и сало! – Старушонке любо: дурака бог дал.

Повесил Сочень хвост на шею, сало ему жена в рубец на вороту рубахи зашила. Снарядился так-то, надел на себя ягу и пошел на Красногорку. Кто встретится, всяк дивуется – в Петровки ягу надел. А Сочень пристанывает – лихоманка одолела, – даром что пот ручьем бежит.

Пришел на рудник. Видит – струментишко его тут валяется. Никто не обзарился. Шалашишко только ветром малость скособочило.

Никто, видать, без него тут не бывал. Огляделся так-то Сочень и давай опять зря руду ворочать. Дело-то к вечеру пошло. Сочень боится на руднике остаться, а намахался. В яге-то летом помаши каелкой! Кто и покрепче – умается, а Сочень вовсе раскис. Где стоял, тут и лег. Сон-от не свой брат, – всех ровняет. Который и боязливый, а храпит не хуже смелого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.